

Двадцать девятое июня — эпизод 2 из 3

Я хотя и из простого звания произошел, хотя, могу сказать, и никакого образования не проходил, но могу сказать, что имею в груди, и в сердце, и в душе всякие чувства, а вы вот так нет, хоть вы и науки проходили по всем степеням... Так-то-с!

Перестаньте, господа! вмешался я. Полно вам друг другу мораль читать! Давайте молчать...

Отлетаев с сопеньем вытащил из бокового кармана объемистый, сильно потертый портсигар и запустил в него свои толстые пальцы. Доктор и мировой протянули руки к его портсигару.

Нет-с, извините-с! сказал внушительно Отлетаев. Дружба дружбой, а табачок врозь. Мне самому не хватит... Дорога велика, а у меня папирос-то с собой только четыре десятка...

Доктор и мировой сильно сконфузились и, чтобы скрыть подальше от света белого свой конфуз, засвистали из Мадам Анго.

Отлетаев был глуп, как сорок тысяч братьев, и невежа страшная...

Мы его терпеть не могли. Сконфуженный доктор закурил собственную папироску и начал рассказывать анекдоты. Рассказал он их штук двадцать; из них только один не был сальным, остальные же так и таяли в наших ушах.

А вы, батенька, мастер! похвалил я доктора. Не знал я, что вы такой юморист! Да-с... Кое-что знаем, сказал доктор. Ежели б я захотел в журналах сотрудничать, то миллионы бы имел. Больше вашего зарабатывал бы.

Не сомневаюсь... Чего же не сотрудничаете?

Не хочу!

Почему же?

Не хочу, вот и всё! Совесть есть! Нешто человек с совестью может в ваших журналах писать? Никогда! Я даже не читаю никогда газет! Считаю болванами тех, кто выписывает их, тратит деньги...

А я наоборот, заметил мировой, считаю тех болванами, кто не тратит деньги на газеты...

Доктор не в духе сегодня, сказал я. Не будем его трогать...

Кто вам сказал, что я не в духе? Я в духе... Вы потому так заступаетесь за газеты, что в них пишете, а по-моему, они... тьфу! Яйца выеденного не стоят.

Врут, врут и врут. Первые вруны и сплетники! Газетчики те же адвокаты...

Врут и не имеют совести!

Я был адвокатом, сказал мировой, а совесть имел.

Предположенский и Козоедов переглянулись и ехидно улыбнулись.

Я не про вас говорю... Я вообще... Вообще все мошенники... И газетчики, и адвокаты, и все...

Я, вместо того чтобы молчать, продолжал заступаться за газетчиков. Мировой продолжал заступаться за адвокатов... В коляске поднялся спор.

А медицина-то ваша? ухватился я. Медицина? Что она стоит? Небось не врите? Только денежки берете! Что такое доктор? Доктор есть предисловие гробокопателя... вот что-с! Впрочем, я не знаю, для чего я с вами спорю? Разве у вас есть логика? Вы кончили университет, но рассуждаете, как банщик...

Говорите хладнокровно! Можно, полагаю, и без оскорблений!

Газетчиков и адвокатов ругаем, забасил Предположенский, а самой настоящей-то ввали и не видим... Потолкуйте-ка с тестюшкой, он любого адвоката по брехательной части за пояс заткнет...

И так далее... Слово за слово, гримаса за гримасой, сплетня за сплетней, и дело зашло чётко знает куда...

Мы начали рассказывать всё, что за зиму накопилось в наших душах друг против друга. Мы переощеголяли старых девок.

Между тем пока мы, не выпавшиеся, полупьяные, каверзили друг против друга, солнце поднималось всё выше и выше... Туман исчез окончательно, и начался летний день... Было кругом тихо, славно...

Только мы одни нарушали тишину...

Подъехав к первому попавшемуся болотцу, мы вылезли из коляски и, сердитые, надутые, побрели в разные стороны. Водворять среди нас согласие взялся Козоедов. Он подбросил высоко вверх трехкопеечную монету, выстрелил в нее и попал. Мы все вместе подняли монету, сосчитали на ней число следов от дробы и кое-как разговорились.

Предположенский согнал коростеля и убил. Мы его поздравили и крикнули ура. Согласие было бы окончательно водворено, если бы не доктор. Доктор, пока мы поздравляли Предположенского с первым успехом, подошел к коляске, развязал кулек и принялся ублажать себя водочкой и закуской. Доктор! Что это вы там делаете? крикнул Отлетаев.

Ем и пью.

Какое же вы имеете право распоряжаться?

А что?

Это для вас положено? Не понимаю этого, извините, свинства! Не мог подождать! Что это вы раскупорили? Батюшки! Это моя настойка! Какое вы имеете право, милостивый государь?

Не кричите, пожалуйста! Потихе!

Ведь эту настойку я для себя взял! Слаб здоровьем, взял настойки, и... на поди! Раскупорили! Просили его! Заверните балык!

Не заверну! Вам, неприличный и неделикатный человек, должно быть известно, что на охоте всё общее... Какой вы, извините, невежа!